Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
К борьбе за рабочее дело будь готов!

Цена номера 3 коп.

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН
ЦК и МК ВЛКСМ
10 февраля 1936 г., понедельник
№ 20 (1662)

ОТКРЫВАЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ»

Первое собрание посвящаем великому русскому поэту—

Александру Сергеевичу ПУШКИНУ

Александр Сергеевич Пушкин — великий народный поэт. Ровно через год исполняется сто лет со дня его смерти (Пушкин родился в 1799 и умер в 1837 году), но и сегодня его поэмы — «Евгений Онегин», «Полтава», «Медный всадник», драмы — «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», повести — «Капитанская дочка», «Дубровский», каждое из его стихотворений читают и перечитывают миллионы людей. Мы наслаждаемся звучностью его стихов, красотой образов, богатством идей. Читая Пушкина, мы обогащаем свой язык, учимся грамотно, красиво и ярко выражать свои мысли.

Но все ли ребята понимают, любят и ценят Пушкина? Нет, далеко не все. Еще очень многие из вас читают Пушкина только по школьным учебникам и хрестоматиям — «от сих до сих», как задает учитель. А мы хотим, чтобы вы, ребята, по-настоящему узнали и полюбили Пушкина, чтобы перед вами во всей красоте раскрылись все богатства пушкинских творений.

Пушкин был поэтом вольности, другом декабристов, одним из самых больших людей своего века. Царь и его приспешники затравили Пушкина. После смерти поэта буржуазия и дворянство сделали все возможное для того, чтобы его творчество не проникло в массы. И только советская власть, только победивший пролетариат сделали великое культурное наследство Пушкина доступным всему народу.

Во все уголки нашей необ'ятной страны, ко всем народам, ее населяющим, проникает могучее, незабываемое слово Пушкина. И мы первое собрание нашего литературного клуба посвящаем этому великому поэту.

НАШ КЛУБ

Сегодня мы открываем литературный клуб читателей «Пионерской правды».

Задача клуба—помочь вам, ребята, глубже понять творчество великих писателей, познакомить вас с лучшими произведениями мировой литературы.

Собрания литературного клуба будут посвящаться творчеству таких писателей, как Пушкин, Гоголь, Маяковский, Лермонтов, Диккенс. Школьная программа не может охватить полностью их творчество. Но вы сами должны читать произведения классиков, учиться понимать и любить их.

На страницах газеты время от времени мы будем устраивать собрания клуба. Конечно, эти собрания—заочные. Читая газету, вы все будете участвовать в наших собраниях. Но работа клуба только начинается на страницах «Пионерской правды». Она должна быть продолжена в школах и отрядах.

Вот, например, мы печатаем отрывок из сценария А. Слонимского «Юность поэта». Драмкружок в школе может разработать этот отрывок и поставить его на сцене вместе с отрывками из драматических произведений Пушкина. Или устроить конкурс — кто лучше, выразительнее и ярче прочитает на школьном вечере или сборе стихи Пушкина; кто лучше нарисует иллюстрацию к пушкинским произведениям.

Такое соревнование должны организовать у себя в отрядах и школах члены нашего литературного клуба. Это еще не все! Посвященные Пушкину балы и маскарады, литературные викторины, экскурсии, посещение театров,—мало ли можно придумать интересных дел!

Это будет чудесная встреча с Пушкиным—захватывающее знакомство с его личностью и творчеством.

И не только с Пушкиным! Впереди членам клуба предстоит еще много замечательных встреч с величайшими писателями человечества.

Пишите нам, ребята, как вы продолжаете у себя в отрядах и школах собрания литературного клуба «Пионерской правды» и как вы думаете участвовать в работе клуба в дальнейшем.

Портрет работы художника ТРОПИНИНА

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит, —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН.

Вступительное слово председателя собрания проф. М. А. Цявловского

Дорогие друзья!

Сегодня, 10 февраля,—исполняется девяносто девять лет со дня смерти нашего великого поэта Пушкина.

Убитый на тридцать восьмом году своей жизни, поэт не дал человечеству всего того, что он мог бы дать. Но и то, что осталось от него, безмерно обогатило нашу и мировую культуру.

Создавший непревзойденные образцы во всех родах поэзии — эпоса, лирики и драмы, несравненный мастер художественной и исторической прозы, автор лучших на русском языке писем, глубокий и острый критик, Пушкин являл собой совершеннейший тип всеобъемлющего художественного гения.

Творческий путь его — это непрерывный ряд «преодолений» французской классической литературы, от трагиков до «легкой» поэзии, Байрона и нашей литературы XVIII века, и ближайших своих предшественников — Державина, Карамзина, Жуковского, Батюшкова.

— И все это было усвоено, переработано и оставлено Пушкиным позади. Блестящий и поучительный пример огромного труда, с исключительной легкостью совершенного одним человеком, — труда, которого хватило бы на целое поколение!

Многосторонний в своих умственных интересах, справедливо утверждавший, что «чтение — лучшее учение», всю жизнь учившийся, жадный к истории и к современности, ко всем «впечатлениям бытия», Пушкин, как умственная величина, представляет явление исключительное.

Поэт жизни и любви к жизни, Пушкин не раз обращался мыслью к грядущим поколениям и в молодежи приветствовал будущее.

«Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук».

И, обращаясь к своим будущим читателям, поэт полушутя, полусерьезно писал эти трогательные, так странно звучащие в наши дни всеобщего признания Пушкина, стихи:

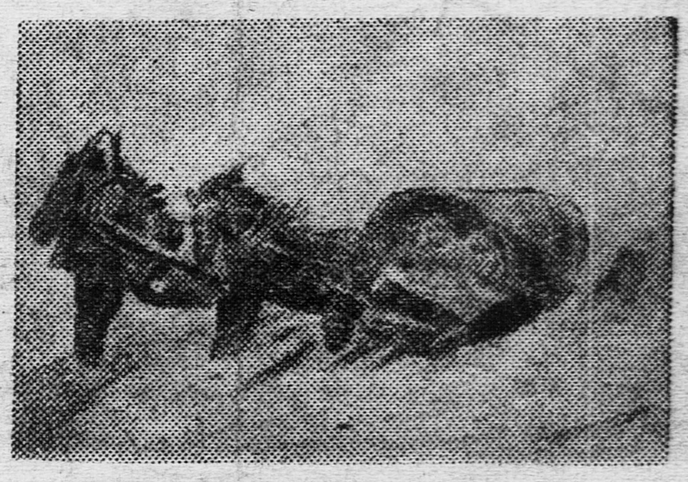
«Прими ж мои благодаренья,
Поклонник мирных Аонид,
О, ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!»

Благодарно принимая наследие, оставленное нам великим поэтом, будем любить и ценить его, как нашу гордость, как нашу славу.

ПИКОВАЯ ДАМА

Герман у старой графини.
Рисунок ВАНИ ШАБАЛИНА, 14 лет (Марийская область, станция Зеленый Дол, Марбумстрой).

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА



Гринева застигает буран.
Рисунок пионера БОДРЯШКИНА, 13 лет (Москва, Бауманский район).

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

СМЕРТЬ ПОЭТА

Погиб поэт!—невольник чести—
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит... к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья? —
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар,
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... Спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. Из далека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной
рукой.

. . . . . .

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных
отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть, есть божий суд, наперсники
разврата!

Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к зло-
словью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной
кровью
Поэта праведную кровь!

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты,
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь —
То чудится тебе...

«Няне»—неоконченное стихотворение Пушкина, обращенное к его старой няне Арине Родионовне, написано, вероятно, в 1827 г.

КТО ЛУЧШЕ НАРИСУЕТ?

Очень интересное задание юным художникам дал Центральный дом художественного воспитания детей имени А. С. Бубнова: кто лучше нарисует иллюстрацию к произведениям Пушкина.

Чтобы участвовать в этом конкурсе, ребята должны внимательно прочитать произведения Пушкина и выбрать из них не менее трех тем для рисунков. Можно делать иллюстрации и к стихам, и к прозаическим произведениям, и к драмам Пушкина. Ребята, которые хорошо знают биографию Пушкина, могут нарисовать сцены из жизни самого поэта.

Рисунки нужно обязательно делать в красках, без помощи взрослых, ни в коем случае не срисовывая с чужих картин. На каждом рисунке нужно написать: на тему какого произведения это нарисовано, имя, фамилию и возраст автора рисунка и подробный адрес. Присылать рисунки нужно по адресу: Москва, Мамоновский переулок, 10, Центральный дом художественного воспитания детей.

Лучшие рисунки будут премированы и приняты на выставку, которая откроется к столетней годовщине со дня смерти поэта. Сегодняшний номер нашей газеты иллюстрирован рисунками, присланными на конкурс.

В ОТРЯДАХ И КЛАССАХ

ЛЕНИНГРАД

ЛУЧШЕ ВСЕХ ОТВЕЧАЛ ОЛЕГ

Под руководством преподавателя литературы ребята 21-й школы Центрального района провели пушкинскую конференцию. С большим успехом прошла викторина. Преподаватель товарищ Искос читала отрывки, а ребята отвечали, из какого произведения взяты эти строки. Лучше всех отвечал **ОЛЕГ ХАНЕЕВ.** Он получил в премию том стихотворений Пушкина.

ПУШКИНСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Василеостровский дом культуры организует для ребят пушкинский фестиваль. Лучшие актеры и сами ребята будут читать стихи, покажут отрывки из опер и драм.

ПЕРМЬ

КОСТЮМИРОВАННЫЙ ВЕЧЕР

23 января ученики старших классов школы № 2 провели костюмированный пушкинский вечер.

Около ста ребят пришло на вечер в костюмах пушкинских героев.

МОСКВА

ГОТОВЯТ ВЫСТАВКУ

Во всех классах школы имени Радищева созданы кружки по изучению произведений Пушкина.

На-днях в школе состоится большой вечер. На вечере ребята прослушают беседу о жизни и творчестве Пушкина. Лучшие чтецы школы исполнят отрывки из произведений поэта, певцы исполнят песни на текст пушкинских стихов.

К вечеру ребята готовят выставку.

ДУБРОВСКИЙ

ВИТЯ ВАЛУЕВ, 13 лет (Раменское Московской области), нарисовал картину: расправа Дубровского с вором-приказчиком. В повести Пушкина эта сцена подробно не описана, есть только фраза в рассказе помещицы Глобовой: «Приказчика моего нашли на другой день в лесу, привязанного к дубу и ободранного, как липку».

Пушкин в 15-летнем возрасте.
Рисунок Е. ГЕЙТМАН

В СИБИРЬ

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра—
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут,— и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч ваш отдадут.

«В Сибирь» написано в конце 1826 года. Это — послание к сосланным на каторгу участникам восстания 14 декабря 1825 года.

ДЕЛИБАШ

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! Каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

«Делибаш» написан во время поездки на Кавказ, летом 1829 года. «Делибаш» значит лихой наездник, удалец. «Лава» — боевой кавалерийский строй.

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ ПУШКИНА

Б. КАЗАНСКИЙ

Это была последняя его осень — 1836 года. Он любил это время года.

— Осенью здоровье мое крепнет и пора литературных трудов настает, — говорил он.

И тогда его тянуло в деревню.

В эту, последнюю, осень он в особенности жаждал вырваться из проклятого Петербурга, где у него не было ни досуга, ни покоя, ни свободы. Его тяготила обязанность присутствовать на придворных церемониях и празднествах, возить жену на балы и вечера, поддерживать светские знакомства. Он с горечью сознавал, что живет не так, как следовало бы, не в том обществе, где он мог быть понят и любим. Притом светская жизнь требовала больших средств; литературного заработка нехватало. Он входил в долги. Он решился издавать журнал «Современник»,—дело выгодное.

Но он не был дельцом и не умел организовать подписку, не хотел эксплоатировать сотрудников. Доходы все не поступали, а расходов было множество.

— Как быть? Чем нам жить будет? — спрашивал себя все чаще. — Плюнуть бы на Петербург, да подать в отставку, да удрать в деревню! — мечтал он.

Он дважды пытался это сделать — в 1834 и 1835 годах. Но получил такой нагоняй от шефа жандармов Бенкендорфа, что должен был затаить эту мечту.

— Царь заставляет меня гнить в Петербурге, а не дает мне способов жить моими трудами, — жаловался он. — Писать книги для денег, видит бог, не могу.

Когда-то он любил Петербург...

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный...

и т. д. («Медный всадник»).

Но тогда ему казалось еще, что он свободен. Теперь же он был слугой, одетым в ливрею камер-юнкера...

Его душила атмосфера николаевского двора, отравленная духом произвола, полицейского сыска и грязных сплетен.

— Ух, кабы мне удрать на чистый воздух! — восклицает он.

— Чорт догадал меня родиться в России с душой и талантом.

В эту последнюю осень и написаны последние стихи Пушкина, обращенные им к жене:

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит.
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия. А мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить—и глядь, как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля—
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег...

Побег не удался. Напрасно поджидала своего милого Александра Сергеевича его верная почитательница—соседка Осипова. Последняя осень была особенно тяжела для поэта. Грязная интрига отравила ему жизнь в его собственном доме. И Пушкин вздохнул свободнее, лишь выйдя на снежную поляну у Черной речки, где ждала его гибель на дуэли. Это был, наконец, выход.

«Домик няни» в селе Михайловском. Единственная постройка, сохранившаяся здесь со времен Пушкина.
Фото З. ОСТРОВСКОГО (Союзфото)

Путешествие в Арзрум

С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый тракт прекращается. Нанимают лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачий и пехотный и одна пушка. Почта отправляется два раза в неделю, и проезжие к ней присоединяются; это называется **оказией.** Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро, в 9 часов, мы были готовы отправиться в путь. На сборном месте соединился весь караван, состоявший из 500 человек или около. Пробили в барабан. Мы тронулись. Вперед поехала пушка, окруженная пехотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдаток, переезжающих из одной крепости в другую; за нами заскрыпел обоз двуколесных ароб. По сторонам бежали конские табуны и стада волов. Около них скакали нагайские проводники в бурках и с арканами. Все это сначала мне очень нравилось, но скоро надоело. Пушка ехала шагом, фитиль курился, и солдаты раскуривали им свои трубки. Медленность нашего похода (в первый день мы прошли только 15 верст), несносная ...ра, недостаток припасов, беспокойные ночлеги, наконец, ...ерывный скрып нагайских ароб выводили меня из терпе... ...Дорога довольно однообразная: равнина, по сторо... — холмы. На краю неба — вершины Кавказа, ...ый день являющиеся выше и ...е. Крепости, достаточные для ...него края, со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы в старину не разбегаясь, с заржавевшими пушками, не стрелявшими со времен графа Гудовича, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей. В крепостях несколько лачужек, где с трудом можно достать десяток яиц и кислого молока.

Первое замечательное место есть крепость **Минарет.** Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и чинаром. Это — могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом. Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная лесистая гора; за ...ею находилась крепость: кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося **Гатартубом** и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грудами камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сделалась живописна. Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми. Мы различили и пастуха, быть может, русского, некогда взятого в плен и состаревшегося в неволе. Мы встретили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробных памятника стояло на краю дороги. Там, по обычаю черкесов, похоронены их наездники.

О «Путешествии в Арзрум» Пушкин писал: «В 1829 году отправился я на Кавказские воды... Желание видеть войну и сторону мало известную побудило меня просить е. с. графа Паскевича-Эриванского позволения приехать в армию. Таким образом видел я... поход, увенчанный взятием Арзрума». Здесь мы печатаем отрывки из первой главы «Путешествия».

Битва Руслана с Черномором

Отрывок из поэмы
А. С. ПУШКИНА
„Руслан и Людмила"

...Но кто трубил? Кто чародея
На сечу грозну вызывал?
Кто колдуна перепугал?
Руслан. Он, местью пламенея,
Достиг обители злодея.
Уж витязь под горой стоит,
Призывный рог, как буря, воет,
Нетерпеливый конь кипит
И снег копытом мочным роет.
Князь карлу ждет. Внезапно он
По шлему крепкому, стальному
Рукой незримой поражен;
Удар упал подобно грому;
Руслан под'емлет смутный взор
И видит—прямо над главою—
С под'ятой, страшной булавою
Летает карла Черномор.
Щитом покрывшись, он нагнулся,
Мечом потряс и замахнулся;
Но тот взвился под облака;
На миг исчез—и свысока
Шумя летит на князя снова.
Проворный витязь отлетел,
И в снег с размаха рокового
Колдун упал — да там и сел,
Руслан, не говоря ни слова,
С коня долой, к нему спешит,
Поймал, за бороду хватает,
Волшебник силится, кряхтит,
И вдруг с Русланом улетает...
Ретивый конь во след глядит;
Уже колдун под облаками,
На бороде герой висит;
Летят над мрачными лесами,
Летят над дикими горами,
Летят над бездною морской;
От напряженья костенея,
Руслан за бороду злодея
Упорной держится рукой.
Меж тем, на воздухе слабея
И силе русской изумясь,
Волшебник гордому Руслану
Коварно молвит: «Слушай, князь!
Тебе вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прощу тебя,
Спущусь—но только с уговором...»
«Молчи, коварный чародей!—
Прервал наш витязь:—с Черномором,
С мучителем жены своей,
Руслан не знает договора!
Сей грозный меч накажет вора.
Лети хоть до ночной звезды,
А быть тебе без бороды!»
Боязнь об'емлет Черномора;
В досаде, в горести немой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясает:
Руслан ее не выпускает
И щиплет волосы порой.
Два дни колдун героя носит,
На третий он пощады просит:
«О, рыцарь, сжалься надо мной;
Едва дышу; нет мочи боле;
Оставь мне жизнь, в твоей я воле;
Скажи—спущусь, куда велишь...»
— Теперь ты наш; ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силе!
Неси меня к моей Людмиле.—
Смиренно внемлет Черномор;

Черномор уносит Руслана.
Рисунок ЖЕНИ ГУРОВА, 9 лет
(Москва, Фрунзенский район)

Домой он с витязем пустился;
Летит—и мигом очутился
Среди своих ужасных гор.
Тогда Руслан, одной рукою
Взяв меч сраженной головы
И бороду схватив другою,
Отсек ее, как горсть травы.
«Знай наших!—молвил он жестоко.—
Что, хищник, где твоя краса?
Где сила?»—и на шлем высокой
Седые вяжет волоса;
Свистя, зовет коня лихого;
Веселый конь летит и ржет;
Наш витязь карлу чуть живого
В котомку за седло кладет,
А сам, боясь мгновенья траты,
Спешит на верх горы крутой,
Достиг, и с радостной душой
Летит в волшебные палаты.
Вдали завидя шлем брадатый,
Залог победы роковой,
Пред ним арапов чудный рой,
Толпы невольниц боязливых,
Как призраки, со всех сторон
Бегут—и скрылись. Ходит он
Один средь храмин горделивых,
Супругу милую зовет —
Лишь эхо сводов молчаливых
Руслану голос подает;
В волненьи чувств нетерпеливых
Он отворяет двери в сад—
Идет, идет—и не находит;
Кругом смущенный взор обводит —
Все мертво: рощицы молчат,
Беседки пусты; на стремнинах,
Вдоль берегов ручья, в долинах,
Нигде Людмилы следу нет,
И ухо ничего не внемлет.
Внезапный князя хлад об'емлет,
В очах его темнеет свет,
В уме возникли мрачны думы...
«Быть может, горесть... плен угрюмый...
Минута... волны...» В сих мечтах
Он погружен. С немой тоскою
Поникнул витязь головою;
Его томит невольный страх;
Недвижим он, как мертвый камень;
Мрачится разум; дикий пламень
И яд отчаянной любви
Уже текут в его крови.
Казалось—тень княжны прекрасной
Коснулась трепетным устам...
И вдруг, неистовый, ужасной,
Стремится витязь по садам;
Людмилу с воплем призывает,
С холмов утесы отрывает,
Все рушит, все крушит мечом—
Беседки, рощи упадают,
Древа, мосты в волнах ныряют,
Степь обнажается кругом!
Далеко гулы повторяют
И рев, и треск, и шум, и гром,
Повсюду меч звенит и свищет,
Прелестный край опустошен —
Безумный витязь жертвы ищет,
С размаха вправо, влево он
Пустынный воздух рассекает...
И вдруг—нечаянный удар
С княжны невидимой сбивает
Прощальный Черномора дар...
Волшебства вмиг исчезла сила:
В сетях открылася Людмила!
Не веря сам своим очам,
Нежданным счастьем упоенной,
Наш витязь падает к ногам
Подруги верной, незабвенной,
Лобзает руки, сети рвет,
Любви, восторга слезы льет,
Зовет ее — но дева дремлет.
Сомкнуты очи и уста...

СКАЗКА О ПОПЕ И РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ

Первый и третий рисунки сделаны ШУРОЙ ГРАЧЕВЫМ, второй рисунок — ВАНЕЙ ШАБАЛИНЫМ (оба живут на станции Зеленый Дол, Марийской области).

Балда говорит: «Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же мне давай вареную полбу».
Призадумался поп,
Стал себе почесывать лоб.

«...Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? Боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» — «Да жду вон этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свалку».

С первого щелка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелка
Лишился поп языка;
А с третьего щелка
Вышибло ум у старика.

Юность поэта

Из сценария
Ал. СЛОНИМСКОГО*)

Шестеро лицеистов собрались в комнате Пушкина. Кроме Александра, здесь Жанно, Дельвиг, «Кюхля», Яковлев—«паяц», Малиновский — «казак».

Пушкин достает тетрадь. Кюхля, выгнув шею в жадном нетерпении ожиданий, выставил ухо. Дельвиг причмокивает.

Пушкин начинает. Все мгновенно притихли.

«Лициний! Посмотри: на быстрой колеснице,
Увенчан лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой.
Взгляни, как все пред ним усердно спину клонят,
Как ликторов полки народ несчастный гонят...»

За дверью подслушивает Комовский. Тихонько растворяет дверь. Никто не замечает. Все заслушались стихов.

Комовский входит. Окинул глазами комнату, увидел бутылку, стаканы, возбужденные лица. Мигом все понял.

— Что это вы, господа? Как не стыдно? Вы роняете достоинство лицея!

Голоса:

— Ступай к чорту!

— Лиса-проповедница!

— Поп в штанах!

— Фискал! Ябедник!

◇

Комовский с постной миной ходит взад и вперед по рекреационному залу. Останавливается. Лицо принимает лисье выражение: он слышит шаги гувернера в коридоре.

Быстро становится у окна, на видном месте. Склоняется на подоконник и прячет лицо, как бы плача.

По залу проходит Мейер.

— Што такой? Ви плачить? Вас обидила кто?

Комовский, захлебываясь слезами, как будто бы не в силах сдержаться:

— Я для их же собственной пользы, а они...

Всхлипывает, шмыгая носом.

◇

Пушкин читает:

«Исчезнет Рим. Его покроет мрак глубокий,
И путник, обратив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
Свободой Рим возрос, а рабством погублен!»

Распахивает дверь Мейер.

— Што такой свобода? Ви попойка и ви вольнодум!

Мейер направляется к конторке и хватает положенную туда рукопись.

Александр подбегает и хочет отнять.

— Как вы смеете трогать мои бумаги? Вы этак и письма станете читать?

Мейер прячет рукопись за спиной.

— Молшать, я гувернер!

◇

Лицейская вольность обратила на себя внимание министра графа Разумовского. По рекомендации царского любимца, всесильного графа Аракчеева он поручил исполнять должность директора лицея инспектору С. С. Фролову, отставному полковнику, привыкшему к фрунтовым учениям и к муштровке солдат.

◇

Граф Разумовский, дряхлый старик в звездах и лентах, сидит в директорском кабинете в лицее, в мягком кресле. Перед ним, сгорбившись, в почтительной позе стоит Фролов, пожилой фрунтовик, с грубым, деревянным лицом.

— Позвольте доложить, ваше сиятельство. Главным виновником в сем деле оказывается воспитанник Пушкин... Сей юноша, ваше сиятельство, отличаясь крайним легкомыслием, дерзостью и упрямством, сверх того соблазняет товарищей вольнодумными сочинениями. Извольте взглянуть, ваше сиятельство...

Протягивает несколько листков.

— Это что такое? Стишки?

Граф вынимает монокль. Примериваясь на разные лады, пробует прочесть.

Строго:

— Что за почерк — а? Пачкотня какая-то, а? Кто учитель чистописания—а?

Фролов оробев:

— Будучи недавно назначен, ваше сиятельство... Я с своей стороны, ваше сиятельство... не щадя сил своих... А учитель чистописания Калинич, Фотий Петрович, пишет изрядно, к вашему сиятельству бумаги писал...

— А-а, хорошо...

Граф, успокоившись, снова наставляет монокль и принимается за рукопись.

— «Свободой Рим возрос, а рабством погублен...» Гм... Вольнодумные мечтания...

Ковыряет рукой в воздухе.

— Пусть-ка на коленях постоит во время утренней и вечерней молитвы, две недели сряду!..

◇

В рекреационном зале.

Воспитанники в три ряда. Впереди Комовский читает. Он в своей роли.

— И тебе славу возсылаем, отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Хор подтягивает:

— Аминь.

Фролов оборачивается. Вполголоса:

— Господин Пушкин, извольте встать на колени.

Александр протестует:

— С какой же стати я один?

Товарищи уговаривают шопотом:

— Мы с тобой станем!

Александр, улыбнувшись:

— А коли так!

Становится на колени.

Половина лицеистов с шумом бухается на колени вслед за ним.

Фролов грозно оборачивается, бровями делает знаки подскочившему Мейеру.

Комовский начинает следующую молитву. Мейер бегает между лицеистами, подымает то того, то другого, но те снова бухаются, как только он отойдет.

Мейер поднимает Яковлева:

— Вставайт, вставайт. Нельзя.

— Почему? Я молюсь за господина директора. За него иначе нельзя, — бог не послушает. На коленях крепче будет.

Комовский слышит какой-то шум позади. Оглянувшись, видит Александра, севшего на колени и хихикающего.

◇

Лицеисты бегают по всему зданию — с верхнего этажа вниз по лестнице в нижний и обратно. Прячутся от Фролова, который с Мейером и дядьками гоняется за ними.

Фролов в дортуаре.

— В карцер Пушкина! Немедленно в карцер! Подвергнуть его заключению!

Внизу хор. Все устремляются на голоса.

◇

Лицеисты в рекреационном зале. Поют хором. Дирижирует Яковлев:

«Ты стал директором Лицея,
Перед министром гнешь ты шею!
Хвала, хвала тебе, Фролов!
Проваливай и будь здоров!
Убирайся за заставу.
Не по нашему ты нраву,
Не по нашему уставу
Затеваешь ты расправу!»

Появляется Фролов во главе своей свиты.

— Господин Пушкин, извольте сейчас же итти за мной!

Александр выбегает вперед, с хохотом пляшет перед носом Фролова и поет вместе со всеми:

«Хвала, хвала тебе, Фролов,
Проваливай и будь здоров!»

Фролов и Мейер тщетно пытаются поймать Пушкина. Он ускользает.

*) Картина «Юность поэта» ставится в киностудии «Ленфильм» режиссером Народицким.

К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей,
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

. . . . . .

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Стихотворение «К морю» написано Пушкиным в июле—сентябре 1824 года, после путешествия в Крым.

Отдел ведет И. УРАЗОВ

... в утреннем уборе,
Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар...

Это строки из пушкинского «Евгения Онегина». Мы сегодня уже забыли, что такое боливар. Это была широкополая шляпа, название которой произошло от собственного имени — **Симон Боливар.**

Симон Боливар изображен на многих—чуть ли не на всех — марках южноамериканских государств: Колумбии, Эквадора, Сальвадора, Перу, Венецуэлы и, наконец, на марках Боливии.

Симон Боливар был современником Пушкина. Он умер на семь лет раньше поэта — в 1830 году. Он был южноамериканцем, но учился в Европе.

В то время большая часть Южной Америки принадлежала Испании, которая жестоко эксплоатировала свои колонии. По возвращении из Европы Боливар принял участие в борьбе за независимость Южной Америки и стал крупнейшим вождем этой борьбы. Первой изгнала испанцев **Венецуэла,** провозгласившая республику и избравшая Боливара президентом. После того, как Колумбия сбросила власть Испании и об'явила себя республикой, Боливар в 1819 году был избран ее первым президентом. Через шесть лет он принял участие в образовании республики из областей Перу. Это новое государство было названо в честь Боливара — Боливией.

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Чрез кладбище шел домой.
Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит,—
Кто-то кость, ворча, грызет.
Ваня стал; шагнуть не может.
— Боже! — думает бедняк, —
Это верно кости гложет
Красногубый вурдалак.
Горе! малый я не сильный;
С'ест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не с'ем.
Что же? Вместо вурдалака —
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

П. Мериме издал в Париже подражания песням западных славян. Пушкин перевел их, в том числе «Вурдалака». Вурдалаки, по поверью,—мертвецы, выходящие из могил и сосущие кровь живых людей. Стихотворение зло высмеивает это суеверие.

СКУЧНЫЕ ВОПРОСЫ

В нашей хрестоматии есть четыре стихотворения Пушкина — «Сказка о попе и работнике его Балде», «Осень», «Зима», «Узник».

Пушкина мы все очень любим. Каждый из нас читал дома и другие его произведения. Миша читал «Капитанскую дочку» и много рассказывал о ней в классе, Толя— «Дубровского», Рае очень понравилась «Пиковая дама», Юре — «Медный всадник».

Но в хрестоматии для 4-го класса (Брайловская и Рыбникова, часть II, издание 1935 года), по которой мы учимся, хуже всего вот что: зададут нам на уроке какое-нибудь из стихотворений Пушкина, мы его прочтем с увлечением, а как дойдет дело до вопросов, — сразу скучно становится.

Скучные какие-то вопросы!

Даже ответить на них нечего, не о чем и подумать. Скажешь «да» или «нет». Учительница говорит: «Отвечайте подробнее». А как ответишь подробнее на такой, например, вопрос:

— Похож ли поп из пушкинской сказки на жадного попа из крестьянской сказки?

Ответишь:

— Похож.

— А чем именно?

— Тоже жадный.

Вот и весь ответ.

А на вопрос: «На чьей стороне автор сказки?» — весь наш класс ответил: «На стороне рабочих...»

Все вопросы там такие: «Чем помогала попу попадья?», «Как проявил себя Балда при встрече с чертями?»

Ерунда какая-то!

Мы бы хотели, чтобы вопросы в хрестоматиях были такие, над которыми интересно было думать. Чтобы, отвечая, можно было и поспорить.

Хочется еще, чтобы хрестоматия сама была побольше, полнее, и уж, конечно, чтобы стихов Пушкина было в ней побольше.

Ученики 4-х классов 20-й школы ДОНО (Москва): **Толя Кочедыков, Рая Котова, Миша Сенаторов, Юра Берлович, Нина Сергеевская, Витя Ляшенко, Ната Терская, Марк Барденев, Зина Богомолова, Надя Владимирова, Володя Максимов.**

ВСЕ РАЗЯСНИТСЯ

Таинственная телеграмма и сверкающая полоса в небе—все станет понятным, потому что в следующем номере

„ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ"

начнет печататься роман

Алексея Толстого

„ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА",

переработанный автором для детей.

Ответ. редактор А. СТРОЕВ.

Адрес редакции: Москва, центр, Новая площадь, 10. Телефоны: секретариата, пионерского и художественно-иллюстрационного отделов — 1-35-64, отделов культуры и информации — 2-98-33, отдела писем и бюро расследования — 5-18-95. Прием об'явлений — Д 3-11-12. Прием в редакции — с 10 часов утра до 6 часов вечера. Подписная цена 1936 г.: на 1 месяц — 45 к., на 3 мес.— 1 р. 35 к., на 6 мес.—2 р. 70 к., на 12 мес.—5 р. 40 к. Газета выходит через день.

Уполномоченный Главлита В—36576. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 156.